

Другая жизнь «Мои афиши срывают на память»

— Скажи, пожалуйста, что было первично: Рома Зверь или группа «Звери»?

— Вначале был я, Рома Зверь, позже появилась и сама группа.

— Получается, ты подвел под свой псевдоним всю группу?

— Получается, что так!

— А почему именно «Звери»? Может быть, ты решил наконец-то воплотить — хотя бы в фамилии и названии группы — нереализованные когда-то в детстве желания загрызть и покусать кого-нибудь?

— Да нет, кусать-то никому не хотелось. Да и вообще, звери они ведь добрее и «человечнее» людей. Они прощают людей в своих повадках и инстинктах.

— Мне кажется, что солист группы со звериным названием должен хоть как-то соответствовать этому названию.

— А это как? Я должен быть похож на зверя?

— Да нет. Ну хотя бы должен быть некрасивым, неотесанным, дерзким. В тебе же нет ни тени агрессии!

— А кто тебе сказал, что звери бывают некрасивыми? Впрочем, это я с виду такой белый и пушистый, а внутри я такой же, каким должен быть по твоему утверждению.

— Чего ты не терпишь в людях?

— Когда человек тебе откровенно врет и при этом улыбается. Начинаешь ему объяснять, что нельзя врать, но если он и дальше отрицается, то я просто замолкаю. А это действует похлеще кулаков.

— Часто тебе врут?

— Частенько. Я вообще приучен всегда говорить правду, ничего не придумывать и не выпендриваться. А этого многие не понимают, думают, что я шушу, и начинают смеяться. Это так странно!

— Думаю, ты немного лукавишь, говоря, что все время режешь «правду — матку»...

— Почему ты так решил?

— Да потому что в моем бизнесе надо уметь подстраиваться под настроения людей — здесь в ходу лезть и комплименты.

— Не хочу и не могу! Видимо, поэтому нас и не любят. В тусовке уже знают, что «Звери» говорят исключительно правду, какой бы она горькой и противной не была.

— А другие «звери»? Они уж точно напоят покладистей тебя?

— Это тебе так кажется. Наше внутреннее состояние проявляется в наших песнях. Мы такие как наши песни, и наши песни такие как мы. Не надо ничего выдумывать. Как в жизни: первая любовь, первый олимпизм. Приходя в гости, в унитаз писай не в центр, чтобы журчало, а на краешек, чтоб слышно не было, иначе, выйдя из туалета, ты будешь стесняться своего журчания. Это же простые истины, понятные всем и каждому.

— Врагов себе не нажил?

— Нажил.

— Кто они?

— Их много, есть среди них и известные музыканты.

— Считаешь, твои коллеги тебе завидуют?

— Конечно. В основном это артисты моего жанра, которые немного постарше меня и, видимо, комплексующие по поводу того, что за все годы на сцене они так и не смогли добиться элементарного успеха. Но зависть имеет другую, трагическую сторону — она пожирает человека изнутри, превращая его в ничтожество.

— А ты не завидуешь никому?

— Никогда. Я даже радуюсь и горжусь за тех, кто сумел подняться до высот. Причем иногда даже анализирую процесс их славы.

— Рома, ты по натуре человек закомплексованный?

— Нисколько.

— Как ты относишься к людям?

— С опаской и недоверием, чтобы не разочароваться.

— А к журналистам как относишься? Говорят, ты их не особо жалует?

— Предпочитаю общаться с публикой и своими поклонниками, минуя журналистов.

— Это как?

— А вот так. На концертах, например, посредством музыки. Журналисты же как? Они же любят сложную музыку. Я считаю, что если человек пошел в журналистику, то он не такой как все. У него свое видение вещей и музыки в том числе. Если, например, все слушают одну популярную музыку, то он обязательно будет слушать другую, чтобы показать, что он не такой. Словно он плывет не по течению.

— Ну так пусть себе слушают другую музыку и плывут против течения. Это как-то мешает тебе?

— Лично мне нет, но в целом — да. Журналисты ведь пишут о тех группах, которые им интересны и которых они слушают. Как правило, о тех группах и музыке, которую сложно воспринимать простой аудитории. А группа «Звери» — простая группа с вполне доходчивой музыкой.

— Ты на самом деле считаешь, что группа «Звери» слишком популярна?

— Я не могу оценить размеры бедствия. Серьезно. Я живу в своем мире, и что происходит реально, не может оценить никто. Особенно мы. Мы все время на гастролях, съемках. И что о нас думают, мы не знаем. Но люди говорят, что мы популярны, значит, так оно и есть (смеется). А людям я верю.

— А правда, что ты любишь групповую секс?

— Да, правда. Это мои фантазии, и пару раз у меня это было.

— Понравилось?

— Мне сложно об этом судить. Скорее, не очень.

— Рома, в представлении многих, поп и рок-музыканты, как правило, не равнодушны к наркотикам. Как у тебя складываются отношения с дурманом?

— А их просто нет. Я имею в виду отношения. Бывает, что очень редко (раз в полгода) покуриваю травку. И то только с двумя преданными мне товарищами.

— А алкоголь?

— Дружу, но опять же нечасто. Вообще, я считаю, что

Я поймал себя на мысли, что мы действительно как звери. Нас привозят, открывают клетку, выпускают, мы отработаем, нас забирают, сажают в автобус и увозят. А так хочется остаться в городе хотя бы на день, погулять, пообщаться с местными. Ведь мы иногда даже не помним, где выступили!

алкоголь и наркотики люди начинают употреблять, когда им нечем заняться. Или когда человек зажался и у него все есть. Ведь когда человек при деле, ему некогда увлекаться этой гадостью.

— Слышал, что до эстрады ты какое-то время работал строителем. Как же произошло превращение в артиста?

— Мне действительно пришлось кое-что построить в Москве. Например, на Пречистенке 19, где сейчас Галерея искусств Церетели, я занимался отделкой внутренних помещений. У меня два образования — строительное училище и колледж. Так что я могу легко построить дом. Но в один прекрасный момент музыка взяла верх. В принципе я и приезжал в Москву, чтобы петь.

— А как к тебе относятся твои прежние друзья и однокашники?

— По-разному. Одни, как и раньше, равно, другие — с иронией, типа: ой, Роман Витальевич, а можно к вам обратиться и спросить... Ну в таком духе. Это, скорее, зависть гложет их. Но я с ними и не общаюсь.

— В семье ты один?

— Нет, у меня еще два брата. Старший живет на

— Думал ли ты, делая шпательку очередной стены, что когда-нибудь станешь популярным в стране человеком?

— Думал и знал, потому что я всегда этого хотел и упорно шел к своей цели.

— Ты, наверное, у себя в Таганроге звезда номер один?

— Да. (смеется). Мама звонит и говорит, что в городе все мои афиши подростки срывают на память.

— А как к тебе относятся твои прежние друзья и однокашники?

— По-разному. Одни, как и раньше, равно, другие — с иронией, типа: ой, Роман Витальевич, а можно к вам обратиться и спросить... Ну в таком духе. Это, скорее, зависть гложет их. Но я с ними и не общаюсь.

— В семье ты один?

— Нет, у меня еще два брата. Старший живет на

Украине, младший — дома, с мамой.

— А папа?

— Он живет в Таганроге, но один, без семьи.

— Слышал, что ты человек суровый и периодически устраиваешь в своей группе «разбор полетов»: всех одергиваешь, отчитываешь за допущенные ошибки и проступки. Это так?

— Мы называем это летучками. Но я никого не отчитываю. Мы садимся в кружок, и каждый по кругу рассказывает, что и в ком его не устраивает. И вносим предложения.

— Какие?

— Ну, например, чтобы не кричал в автобусе и не будил раньше положенного времени. Никто не оправдывается. Поговорим по душам, а потом дружно идем пить пиво, безо всяких обид.

— А тебя «разбирают»?

— Конечно, причем жестче, чем других!

— И на что они указывают чаще всего?

— На мою вспыльчивость. Я очень вспыльчив и переживаю за всех. Например, если кто-то наберется лишнего и попадет в драку, я на него «наезжаю». И не потому что придираюсь, это элементарная забота.

— А другим людям достается от твоей вспыльчивости?

— В принципе я покладистый артист. Но если во время концерта мне не соизволили выдать полотенце, то тут я, конечно, начинаю крыть всех и вся. Ну почему нельзя позаботиться об элементарном? Мы ведь выкладываемся на сцене и страшно потеем, а попросить полотенца, а его и нет. Ну как тут не вспыльнуть!

— В нашем райдере — перечне требований к организаторам концертов — есть какие-то пункты, отличающиеся от райдеров иных коллективов?

— Ничего особенного, все как у всех: минералка, зеркало, бутерброды. Хотя, случается, что и это порой не выполняется.

— А сауна и девочки?

— Нет, это все индивидуально (смеется). Да и получается не всегда. После концерта мы такие вымотанные, что уже не до девочек, до постели бы добраться и выспаться. Днем и вечером концерт, после чего отбываем в другой город. Я поймал себя на мысли, что мы как звери. Нас привозят, открывают клетку, выпускают, мы отработаем, нас забирают, сажают в автобус и увозят. А так хочется остаться в городе хотя бы на день, посмотреть достопримечательности, пообщаться с местными. Ведь мы иногда даже не помним, где выступили!

— А правда, что «Звери» любят одеваться в секонд-хендах?

— Да. Наш любимый город, где много «хендов» — это Киров (Вятка). Нас там уже знают в нескольких магазинах, даже откладывают товар, говорят: «Приезжайте, мы

вам дисконтную карту оформим». Ну шутят так. В Москве бестолку что-то искать: все либо раскупили давно, либо оставили для своих.

— Ты ездил в метро?

— Да.

— Узнают?

— Конечно, хотя поначалу не верят, что Рома Зверь вот так один ездит в метро. Потом подходят, просят автограф.

— Говорят, ты планируешь даже снять какой-то фильм о себе?

— Это будет фильм о нас, о группе «Звери» и о великой любви, о которой я мечтаю. Получится отличное кино — я безумно верю в это. Это, знаешь, как дураки верят во что-то беззастенчиво, и у них все получается. Так и у меня.

— Деньги уже нашли?

— Ищем.

— А ты вложи средства, вырученные от гастрольного тура!

— Ты что, смеешься? Их хватит только на хлопушки!

— А кто сыграет роль твоей возлюбленной?

— Обычная девчонка.

— Сам-то ты готов к главной роли?

— Поначалу побаивался, теперь готов. Не представляешь, как я пассивал перед первым солистом в «Лужниках»! Но сказал себе: главное — начать, дальше все само собой получится. А в фильме я ведь буду играть самого себя, Рому Зверю, по уши влюбленного в простую девчушку.

— То есть ты свою мечту любить и быть любимым решил воплотить в картине?

— Да. Когда сценарист Рома Непомнящий рассказал сюжет фильма режиссеру Саше Вайтинскому, они вместе плакали. На полном серьезе. Там все настолько закручено! Будет гениальный фильм.

— Слышал, что Православная церковь возмущена деятельностью группы «Звери», считая, что не подобает людям называться божьей тварью. Это так?

— Первый раз слышу. Я вообще атеист.

— А если случится так, что ты приедешь в какой-нибудь город, а тебе Церковь запретит выступить?

— Ну, во-первых, не Церковь вешает мою концертную деятельность, а во-вторых, я не вижу причин для запрета. Ну есть же Илья Черт из группы «Пилот», и ничего, нормально все у него с Церковью. А если и ему объявят бойкот, будем с ним в оппозиции. Если серьезно, мне кажется, не стоит обращать внимание на наши сценические псевдонимы — они ведь как клички.

— А кто ты по национальности?

— Фамилия у меня украинская. Хотя за кого только меня не принимают — и за еврея, и за турка, и за грека. А в душе я русский.

— В 26 лет вообще-то пора уже иметь подружку?

— Хочу очень!

— До сих пор не случалась любовь?

— Ну были у меня подружки и в Таганроге, и в Москве я дружил с девочкой.

— Наверное, те, с кем ты когда-то дружил, кусают локти, что «профукали» тебя?

— Не знаю, я не общаюсь с ними. Раньше часто думал, кого же все-таки во мне любит девушка — обычного парня или человека из телевизора?

— Роман, знаю, что твоя мама живет не в Москве. Почему не забираешь ее сюда?

— А зачем? Ей же будет скучно. Лучше я сам буду ездить к ней в гости, заодно и из Москвы уеду ненадолго!

— Квартирой в столице обзавелся?

— Нет, квартиру я пока снимаю. И не парюсь по этому поводу. И машины у меня нет своей, я и не умею ее водить. Вот когда решу обзавестись семьей, всем ее обеспечу: и квартирой, и машиной, и дачей.

— Фанатики знают твою мекку?

— Некоторые знают, но никаких проблем не возникает. Все чинно. Иногда приезжаю с гастролем и вижу: весь подъезд увешан воздушными шарами. Мелочь, а приятно!